

Дмитрий Черноглазов, Оксана Гончарко

«О великом и малом» Феодора Продрома
как образец неоплатонического комментария
к «Категориям» Аристотеля*

DMITRY CHERNOGLAZOV, OKSANA GONCHARKO

ON THE GREAT AND THE SMALL BY THEODORE PRODROMOS

AS A SAMPLE OF NEOPLATONIC COMMENTARY TO ARISTOTLE'S CATEGORIES

ABSTRACT. The treatise *On the Great and the Small* is a small philosophical work of the “Platonizing” (πλατωνίζειν) Byzantine writer of the 12th century Theodoros Prodromos. The publication offers the first Russian translation of this treatise. In the short preface to the translation, the authors characterize the text in terms of its structure, style and philosophical content, while attempting to evaluate Theodoros Prodromos' arguments on the question of classifying the concepts of “great” and “small”. Unlike Aristotle, who treated these concepts simultaneously in different categories (relation and quantity), Prodromos offers another solution to this issue and presents in his text several arguments in favor of classifying the concepts of “great” and “small” under the category of quantity (τὸ ποσόν) as well as one of the types of opposites (τὰ ἀντικείμενα), that is as contraries (ἐναντία). In the text of the treatise, Prodromos makes use of both logical arguments (implementing the rules for dividing concepts) and linguistic ones (applying established word usage). His conclusion, namely that the concepts of “great” and “small” cannot be classified under the category of relation, is also of particular interest. Since his argument does not agree with the positions of Aristotle and Porphyry, it is worth raising the question of the originality and novelty of the Prodromian solution, or at least the originality of the logical tradition that formed within the framework of the Neoplatonic Byzantine schools and led to Prodromos himself.

KEYWORDS: history of Neoplatonic thought, medieval logic, Byzantine philosophy, Theodoros Prodromos, Aristotle's *Categories*.

© Д.А. Черноглазов (Санкт-Петербург). d_chernoglazov@mail.ru. Санкт-Петербургский государственный университет.

© О.Ю. Гончарко (Санкт-Петербург). goncharko_oksana@mail.ru. Санкт-Петербургский государственный университет.

Платоновские исследования / Platonic Investigations 14.1 (2021) DOI: 10.25985/PI.14.1.12

* Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 18-011-00207А «Логическое образование в Византии: Феодор Продром и логические опыты XII века».

Несмотря на то, что Феодор Продром — одна из ключевых фигур в литературе Комниновской эпохи, а о его наследии написана обширная научная литература, целые пласты его творчества остаются совершенно не изучены. И прежде всего это касается его логических трактатов, написанных в рамках неоплатонической традиции логического комментария к «Категориям» Аристотеля — его двух небольших работ: платоновского диалога «Ксенедем, или Гласы», который недавно вышел в критическом издании¹, и трактата «О великом и малом»², перевод которого мы предлагаем читателю в настоящей публикации.

В трактате «О великом и малом» Феодор Продром размышляет об одном из пассажей «Категорий» Аристотеля³, в котором тот, согласно мнению Продрома, утверждает, что понятия «великое» и «малое» относятся к категории отношения. Продром же полагает, что эти понятия принадлежат категории количества, и просит своего учителя и друга Михаила Италика, которому адресован этот трактат, рассудить, кто из них прав.

Данный текст, введенный в научный оборот более ста лет назад, тем не менее до сих пор остается практически не исследованным в историко-философском научном сообществе, хотя и представляет интерес как с точки зрения истории логики, так и с точки зрения истории византийской литературы и византийской неоплатонической традиции комментариев к «Категориям» Аристотеля. Трактат упоминается в обобщающих и справочных трудах⁴, однако практически ни одного историко-философского исследования о нем не существует (кроме двух наших статей об этом трактате)⁵. Между тем, «О великом и малом» — это самобытное произведение, заслуживающее внимания и как памятник византийской философской мысли, и как литературное произведение.

«О великом и малом» обладает сложной двухуровневой композицией, в которой после двух художественных предисловий рассматриваются логико-философские вопросы. В первом из предисловий автор обращается к своему учителю Михаилу Италику, посвящая ему это произведение и требуя его строгой оценки ходу изложенных размышлений. Первое предисловие составлено по всем правилам и канонам византийской риторики: в качестве традиционного топоса

¹ Spyridonova, Kurbanov, Goncharko 2017.

² Tannery 1887.

³ Arist. *Cat.* 5b14.

⁴ Hörandner 1974: 209; Hunger 1978: 35.

⁵ Гончарко, Слинин, Черноглазов 2018; Черноглазов, Гончарко 2018.

в проэпии автор письма обращается к адресату, щедро расточая комплименты, параллельно выставляя очень скромную оценку собственным способностям как писателя — однако вдумчивый читатель способен заметить, что автор вовсе не упражняется в самоуничижении, а скорее принимает сократическую позу знания о собственном незнании — позу некоей эпистемической скромности, свойственной истинным мудрецам. Правда, при этом Феодору Продрому, кажется, сложно удержать ироническое смирение сократовской позиции, и он заканчивает первое предисловие уже скорее в характерном для византийских авторов духе: критика самого себя вдруг обращается похвалой: ведь если его писание предстанет перед учителем «с неприкрашенным лицом» (μὴ σοὶ κομψοσαμένῃ τὰ πρόσωπα), то это произойдет, в первую очередь, по той же причине, что и «дочери Демосфена, Платона и [Элия] Аристиды» (так именует Продром произведения античных авторов) являются без прихорашивания и внешних прикрас, в которых они не нуждаются, чтобы скрыть «природное уродство» (τῆς φυσικῆς αἰσχρότητος)⁶. Как мы уже отмечали, «подобный стиль общения, сочетающий взаимные комплименты и дружеский юмор, весьма характерен не только для взаимоотношений Продрома и Италика — это в полной мере отразилось в их переписке — но и вообще для византийской интеллектуальной среды XI–XII вв.»⁷.

Во втором предисловии Феодор Продром рассказывает, как он пришел к мысли написать свой труд, утверждая, что пассаж из «Категорий» Аристотеля, где утверждается, что великое и малое принадлежат категории отношения, вызывает у него непонимание и даже более того — сомнения в правоте Философа. Далее Продром приступает к разбору собственно логических тонкостей и различий, не забывая и о диалоговой литературной форме, в которую он облачает полемику с Аристотелем: иногда он обращается к Стагириту лично, допуская в его адрес насмешливо-иронические реплики, напоминающие выпады Сократа в платоновских диалогах.

В основной (собственно логической) части трактата Феодор пишет «естественным слогом» и без прикрас, однако и здесь он проявляет заботу о литературной форме — облакая свою дискуссию с Аристотелем в некоторое подобие диалога, который напоминает платоновские диалоги, если проанализировать

⁶ Tannery 1887: 111.20–25.

⁷ Черноглазов, Гончарко 2018: 206. Подробнее об этом см. Browning 1977; Каждан 2000; Черноглазов 2008.

реплики, которыми Феодор Продром дополняет свои рассуждения. Например, «О, какие прекрасные умозаключения и какое в них философское изящество, о Аристотель! Ибо что другое, кроме как столь [прекрасное], тебе, Аристотелю, присуще говорить? Однако вот что я тебе скажу, а ты мне ответь, заклинаю тебя твоими лабиринтами!» (113.19–22 Таппегу). Излагая аргументы Аристотеля, Продром оговаривает: «И невозможно иначе об этих [вещах] предположить, ибо ты так предписал» (113.25–26). Элементы диалога можно указать и далее: Продром то обращается к Аристотелю «о чудесный» (113.26), то указывает ему на трактат «О небе» (114.11–12), как будто отвечая на озвученный Аристотелем пассаж из его произведения, и т.д.

Эти небольшие фрагменты в виде диалоговых вкраплений (обращений к собеседнику, предвосхищение его вопросов, нарочитое согласие принять точку зрения оппонента, но лишь для того, чтобы свести ее к абсурду) сближают стиль продромовского письма с платоновскими диалогами, обнаруживая его знакомство не только с творчеством Аристотеля, но и с произведениями Платона, которые он не только использует как образец литературной формы изложения (как, например, в диалоге «Ксенедем»), но и перенимает у Платона сократический метод ведения дискуссии (например, обсуждая «Введение» Порфирия в формате иронического диалога со скептической концовкой). Так, очевидны не только лексические и стилистические параллели с диалогами Платона (обращение ὦ θαυμάσιε, «о чудесный», в платоновских диалогах встречается более 30 раз; формула καὶ μὰ τόν, «клянусь богом», соответствует обороту καὶ μὰ Δία, «клянусь Зевсом», типичному для платоновских диалогов; оборот γελοῖον μεντὰν εἶη, «было бы смешно», употребляемый в отношении абсурдных допущений, фиксируется в платоновских диалогах более 11 раз; подобные стилистические параллели с диалогами Платона можно было бы продолжить и далее), но и содержательные, более существенные сходства. Например, беседуя подобным образом с Аристотелем в трактате «О великом и малом», адресованном своему учителю, Феодор прибегает к сократовской иронии или платоновскому скептицизму: возторгаясь убедительностью аргументов Аристотеля и для поддержания «разговора» соглашаясь с ним, задает ему при этом «каверзные» вопросы, отвечая на которые самостоятельно, он заходит в тупик и оставляет читателя в этом тупике.

Конечно, мы вовсе не утверждаем, что трактат «О великом и малом» Феодора Продрома можно считать полноценным платоновским диалогом по аналогии, например, с его же диалогом «Ксенедем»: начиная с прямого обращения к Аристотелю и вступая в прямую дискуссию с античным философом, и даже отвечая самому себе цитатами из Аристотеля, Феодор Продром не придерживается формы диалога, и ближе к концу трактата отзывается уже об Аристотеле в третьем лице, более не обращаясь к нему напрямую. Однако элементы платоновского диалога в этом небольшом произведении всё же очевидны и достойны внимания. Следует также отметить, что в византийской литературе XII в. жанр платоновского диалога был весьма распространенной формой не только философских, но и чисто литературных произведений.

Любопытно, что Продром — не первый византийский автор, включивший в логическое произведение элементы разговора с Аристотелем. Подобные риторические приемы можно найти и у Михаила Пселла (XI в.) — автора, так же принадлежавшего неоплатонической византийской традиции комментирования аристотелевского корпуса текстов: в отличие от Продрома, Пселл в своем сочинении *Περὶ ἑρμηνείας* сам выступает от лица Аристотеля, полемизирующего со своими позднейшими комментаторами Филопоном и Аммонием⁸.

В настоящем предисловии к публикации русского перевода трактата «О великом и малом» мы попытались показать, что этот трактат представляет собой не только философское произведение, но и литературный памятник: перед нами риторическое сочинение, содержащее элементы платоновского диалога. Сократовская ирония, игра с античными образами и аллюзиями, скрытыми и явными цитатами и ссылками на античные литературные памятники, высокая оценка собственного труда и при этом самоирония и добрый юмор — эти черты характеризуют произведения, созданные в эпоху Комниновского ренессанса, эпохи подлинного расцвета византийской изящной словесности и возрождения литературных традиций греческой античности.

Поскольку логико-философское содержание трактата «О великом и малом» мы исследовали в других наших работах,⁹ то в данном кратком предисловии ограничимся лишь сжатой историко-философской характеристикой этого текста. В этом сочинении Феодор Продром выдвинул тезис о том, что понятия «вели-

⁸ Гончарко 2013: 227.

⁹ См. Гончарко, Слинин, Черноглазов 2018; Черноглазов, Гончарко 2018.

кое» и «малое» не совсем правильно относить к категории отношения, и обосновал этот тезис с помощью нескольких различных аргументов (аргумент от несоответствия определению соотнесенных понятий, аргумент от противоположностей, несколько аргументов от устоявшейся практики словоупотребления). Такое решение не совпадает с подходом Аристотеля к пониманию этих понятий в «Категориях», где они отнесены одновременно и к категории отношения, и к категории количества. Также следует отдельно заметить, что аргументы Продрома не совпадают полностью и с аргументацией Порфирия, представленной по этому вопросу во «Введении к „Категориям“ Аристотеля» в соответствующих разделах — о соотнесенных и о видах количества, а также о видах противоположения. Таким образом, было бы интересно поставить и решить вопрос о том, каким образом Феодор Продром приходит к выдвиганию и обоснованию своего решения проблемы «великого» и «малого» и насколько его решение оригинально или, наоборот, преемственно по отношению к византийской логической традиции греческих комментариев к «Категориям».

Мудрейшего и ученейшего господина Феодора Продрома о великом и малом, и о многом и немногом, и о том, что они принадлежат не к категории соотнесенного, а к категории количества, и противоположны [друг другу].

Чем иным, как не разумом (λόγῳ), разуметь (λογιστέον) разумеемое (λογιζόμενα), о разумная (λογία) моя глава? Измеряемое (κανονιζόμενα) же чем иным измерять (κανονιστέον), как не мериллом (κάνονι)? А всю философию и риторику, как во взаимосвязи, так и по отдельности, и всякое слово — и наше, и внешнее (τόν τε ἡμεδαπὸν καὶ τὸν θύραθεν)¹ — чем иным испытывать, как не [премудростью] Италика, подобно как, например, золото [испытывают] лидийским камнем, а орлят — солнцем? Я опускаю судей с Иды и богинь, тяжущихся за яблоко на Гаргаре², как того требует миф, избегая заключенного в этих [образах] поэтического честолюбия. Из этого [мифа] я возьму только то, что и я представлю свое слово обнаженным твоему непогрешимому в словах оку. И я молю, чтобы ты поступил с ним, скорее, не как судья или как защитник — я ни в коем случае, клянусь тобою, не прошу закрывать глаза на его недостатки, ибо зачем мне нужен ребенок беспокойный, или вообще больной?! — а чтобы ты его приструнил, но мягко, и никак не прижиганием и не скальпелем, но всё же исцелил в нем нездоровое и восполнил недостающее.

О статуя красноречия! Не дивись моему сочинению, если оно явится к тебе, не приукрасив лицо, и вообще никак не прихорашиваясь. Во-первых, оно, взирая на дочерей Демосфена, Платона и Аристиды — добавлю еще и Италика, оставило это [желание себя украсить] более юным и тем, для которых такая рукотворная красота была изобретена как помощь от природного уродства. Во-вторых, оно сочло свое хвастовство по сравнению с твоим посланцем недостойным дружбы к тебе; ибо пусть тебе, по причине твоей приобщенности (οἰκειότητα) и к слову, и к [учительской] кафедре, будут присвоены (οἰκειούσθω) вселенские дела и вселенские (οἰκουμηνικά) титулы³. Ведь если бы я это сочинение писал

¹ То есть христианское и языческое.

² Гаргар — одна из вершин горы Иды в Троаде. Речь идет о суде Париса.

³ Феодор указывает на то, что Михаил Италик занимал должность «учителя

кому-нибудь другому, я бы показывал себя как только могу, а если возможно, даже сверх меры. Поскольку же я пишу тебе, моему [другу] и мудрецу, то я никоим образом не буду украшаться и показывать себя; ибо пред мудрецом мудрствовать не мудро (σοφῶ σοφίζεσθαι ἄσοφον), а пред другом показывать себя — не по-дружески. Таким, каково это сочинение по природным свойствам (χαρακτήῃρος), я тебе его и покажу.

Но вот всё, что сказано мною в оправдание во всём, [что было нужно]. Намерение же, [с которым я взялся за] это сочинение, было таково.

Вчера или на днях, одним словом, недавно, как-то случайно зачитавшись аристотелевскими «Категориями», я очутился в том месте раздела о категории количества, где «великое», «малое», а кроме того «многое» и «немногое» относятся [Аристотелем]⁴, скорее, к категории отношения, а не к категории количества, и мне оказалось непросто согласиться с философом в этом пункте. И хотя я много раз мысленно повторял то «сердце, терпи»⁵, то «садись-ка и слушай, что скажут другие»⁶, то произносил про себя другие из поэтических [строк] Каллиопы — ибо мне с детства присуща любовь и почтение к Гомеру более, чем к кому-либо другому — я всё равно не смог совладать с движениями своей души; ибо умы юношей не только, согласно тому же мудрецу, «носятся по ветру»⁷, но и тяготеют [чужими] мнениями и общими понятиями (προλήψεις), ибо они весьма упрямы. С одной стороны, мой разум вынашивал множество возражений [Аристотелю], как мне казалось, весьма удачных, с другой стороны, я осознавал, что во многих случаях Аристотель скорее упражняется, чем доказывает всерьез — ибо этому мужу присуще не только вы-

Евангелия», или, как ее также называли, «Вселенского учителя» (οἰκομενικός διδάσκαλος). См. Gautier 1972: 24.

⁴ Arist. *Cat.* 5b14–20 (здесь и далее при цитировании используется перевод А.В. Кубицкого в переработке З.Н. Микеладзе).

⁵ Hom. *Od.* 20.18 (цитируется в переводе В.А. Жуковского).

⁶ Hom. *Il.* 2.200 (здесь и далее цитируется в переводе Н.И. Гнедича).

⁷ *Il.* 3.108.

водить умозаключения из непосредственных (ἐξ ἀμέσων) и первых [посылок], но и делать выводы из общепринятых [положений] (ἐνδόξων) и умозаключать (ἐπιχειρεῖν) в обе стороны — и потому я счел, что следует избрать средний путь между двумя крайностями: с одной стороны, отпустить поводья слова, но не так, чтобы оно, закусив удила, сбросило наездника с обрыва, а с другой стороны — осмелиться сказать что-то, что не было бы недостойно подобающего Аристотелю почтения.

Так скажем же таким образом, но сперва приведем [слова] Аристотеля как они есть. Он говорит, что ничто не является противоположным количеству и, удостоверяя эти слова путем индукции (ἐλαγωγῆς), умозаключает (ἐλάγει) так: «...если кто-нибудь не скажет, что многое противоположно немногому, а великое — малому. Однако, ничто из них не есть количество, но [принадлежит категории] отношения. Ибо ничто само по себе не называется большим или малым, а поскольку оно соотносится с другим. Например, гору называют малой, а зерно — большим, поскольку первое больше однородных предметов, а второе — меньше однородных». Далее же [Аристотель] говорит: «Считает их кто-нибудь количеством, или не считает, нет ничего противоположного им. Ибо, если что-то невозможно взять само по себе, но только в соотношении с другим, то как можно назвать что-то противоположным ему? И еще: если великое и малое будут противоположными, то окажется, что одно и то же одновременно допускает противоположности и что [вещи] противоположны сами себе»⁸.

О, какие прекрасные умозаключения и какое в них философское изящество, о Аристотель! Ибо что другое, кроме как столь [прекрасное], тебе, Аристотелю, присуще говорить? Однако вот что я тебе скажу, а ты мне ответь, заклинаю тебя твоими лабиринтами!

Зерно мы сможем, пожалуй, назвать большим, сравнив его, как ты хорошо знаешь, с зерном, и гору маленькой — сравнив с горой. И невозможно иначе об этих [вещах] предположить, ибо ты

⁸ *Cat.* 5b30–35.

так предписал. Однако, о чудесный, как мы сможем утверждать «великое» в отношении тех видов, в которых количество индивидуальных [вещей] не больше одной, как, например, солнца, луны и самого неба? Ведь с этими [вещами] будет обстоять не так, как с неким зерном и некоей горой, которые получали наименование большого или малого в соотношении с другим зерном и другой горой. Небо велико, и, клянусь, право же, нет такого человека, который бы, сказав «небо», не прибавил бы сразу, что оно велико, или же, если бы не прибавил, не показался бы нечестивым по отношению к столь [великой] вещи. Но оно [небо] является большим, конечно же, не относительно другого, маленького — ибо с каким же [его соотносить], если оно одно-единственное? Так же и в отношении других [таких же]. Например, протяжение всей земли велико и обо всём разлитом воздухе говорится, что его много, но ни первое не сравнивается с другим, малым, ни второй — с другим, немногим. Ибо эти индивиды единичны, по одному числом на каждый вид — если только кто-либо, напротив, не захотел бы вообразить много миров или сотворить их бесчисленное множество. Но это не так, как ты весьма ясно показал в трактате «О небе». Но даже если предположить, что так и есть, то рассуждению это [допущение] не повредит. Ибо те, кто предположил множество миров, предположили их равновеликими, и относительно них никак невозможно было бы истолковать «малое» путем сравнения с «великим». Таким образом, или небо не велико (что весьма святотатственно) и воздуха немного (что весьма смешно), или «великое» и «многое» не [принадлежат категории] отношения. А если [категории отношения] не [принадлежат] эти [два понятия], то так же, разумеется, обстоит и с противоположными им — я говорю о «малом» и «немногом».

И еще: что касается «двойного» или «половинного», то ни говорящий [эти понятия] не обозначил голосом что-либо прочное (βεβηκός τι)⁹, ни услышавший не удовлетворился разумом. Причина же в том, что о каждом из этих двух говорится в том

⁹ Иначе: «стабильное», т.е. обладающее постоянным понятным значением.

смысле, в котором оно соотносится с другим. Если бы великое и малое [принадлежали категории] отношения, то должно было бы и с ними обстоять подобным образом. Однако, как мы видим, всё наоборот. Ведь услышавший «великое» не помыслит тотчас же и «малое», и наоборот — но удовлетворится, устремив (ἀλοτοξεύσας) свое умозрение к величине того или к малости этого. Если же кто-либо и эти [понятия] причислил бы к [вещам, принадлежащим категории] отношения — из каковых услышавший одно [сразу же], как представляется, некоторым образом воспринял и другое — то посмотри, что для него категории отношения будут принадлежать «разумное» и «неразумное», а также и «плавающее» и «сухопутное» (πλωτὸν καὶ πεζόν). Ведь подобная последовательность рассуждений будет и о них — [получится, что] услышавший «неразумное» получит некое представление и о «разумном». Нелепость подобного предположения, как говорится, видна и слепому. Ибо нет необходимости части сущностей полагать сущностями¹⁰. Стало быть, «великое» не [принадлежит категории] отношения, если не [принадлежит ей] и «разумное».

И еще: если «сколько» (τὸ ὅσον τι) [принадлежит категории] количества (как «какое» (τὸ οἷόν τι) — [категории] качества, а «что» (τὸ ὅτι τι) — [категории] сущности), и если, например, на вопрос, сколь велико Атлантическое море, уместно будет ответить, что оно велико (πολύ)¹¹ — то ясно, к какой категории «великое» (πολύ) будет причислено.

И еще: от всех имен, принадлежащих категории количества, качества или какой-либо иной категории, образуются и говорятя производные [имена] (παρωνύμως... γίνεται¹²), [принадлежащие категории] отношения, как, конечно же, от «двойки» — «двойное», а от «красивого» — «более красивое». От имен же, [принадлежащих категории] отношения, не образуется (παρωνυμίζεται) никакое другое [имя, принадлежащее категории] отношения.

¹⁰ Cf. Porphy. *In Cat.* 4.1.94.18–20.

¹¹ Букв.: «многое».

¹² Букв.: «образуются путем небольшого изменения, словообразования».

Ведь подобно тому, как от «двойки» [образуется] «двойное» (διπλάσιον), от «двойного» нельзя [образовать] «более двойное» (διπλασιώτερον), ибо одно двойное не может быть более или менее двойным, чем другое. Таким же образом, подобно тому как от «красивого» [образуется] «более красивое» (κάλλιον), от «более красивого» [нельзя образовать] «более более красивое» (καλλιώτερον). От «большого» же мы производим [слово] «большее», а от «малого» — «меньшее», а так не должно было бы происходить, если бы эти [слова принадлежали категории] отношения. Стало быть, «великое» и «малое» [не принадлежат категории] отношения.

И еще: то, что [принадлежит категории] отношения, может быть объяснено посредством и последовательного, и обратного определения (καὶ τῇ ἀκολουθήσει τε καὶ ἀντιστροφῇ). И обратные, и последовательные определения [отношений] возможны только с помощью следующих трех падежей: или определение и в прямом, и в обратном порядке должно быть в родительном падеже (как обстоит с отношением отца и сына), или определение в прямом порядке — в родительном падеже, а в обратном — в дательном (как в отношении знания и познаваемого), или определение и в прямом, и в обратном порядке — в дательном (как в отношении подобного и неподобного), или определение в прямом порядке — в винительном, а в обратном — в дательном, и наоборот (как обстоит дело с тем, что говорится о действии и претерпевании). Итак, то, что не выражается ни одним из указанных способов, но объясняется как-то иначе, таковое, мне представляется, очевидно, чуждо категории отношения. Что же касается «великого» и «малого», то они не могут быть определены ни по одному из определенных нами определений (κατ' οὐδεμίαν ἀποδοθεῖν τῶν ἀποδοθεισῶν ἀποδόσεων). Стало быть, они не [принадлежат категории] отношения, поскольку они не определяются ни одним из [упомянутых] способов, как мы сказали. Было бы смешно и поистине по-варварски говорить, что «малое великого малое», или «великим малое», и наоборот.

Если же кто-нибудь изобретет вдобавок к сказанным еще и четвертое доказательство (ἄλτὸδοσίη) и поведет рассуждение так, что, дескать, великое является великим по отношению к малому, а малое — к великому, то такой человек пусть знает, что он щедро жалуется категории отношения большинство сущих [вещей]. Ибо о теле говорится, что оно относится к бестелесному, неодушевленное — к одушевленному, бессмертное — к смертному, и вообще, [то же касается] абсолютно всех разделительных отличий родов (διαcretικαὶ τῶν γενῶν διαφοραί). Стало быть, и таковые [вещи] будут [принадлежать категории] отношения, а до какой нелепости это доводит, сказано выше.

И еще: если в отношении малого и великого говорится «величина», то следует выяснить, сказывается ли это само по себе (καθ' αὐτό), или приводящим образом (κατὰ συμβεβηκός)? Если само по себе, то в таком случае мы получим, что таковые [понятия обозначают] количество по причине соименности (συνωνύμως), ибо «величина» сказывается о них обоих, а величина есть количество. Если же [«величина» говорится о них] приводящим образом, как мы говорим «человек» в отношении сына и отца, тогда следует спросить, что значит «больше» и «меньше» и для чего эти [слова] изобретены. Ибо если «меньшее» и «большее» — то же самое, что «малое» и «великое», то какова нужда в обилии имен? А если «меньшее» и «большее» — нечто другое, то несомненно, что о «большем» говорится как о большем чего-то меньшего, и наоборот. Остается, что «великое» есть что-то другое [нежели «большее»] и не принадлежит [категории] отношения.

То, что «великое» и «малое» — это не [категория] отношения, я полагаю, таким образом доказано, и [наши аргументы], думаю, не лишены основания. Теперь же следует пояснить, что они противопоставлены (ἀντίκειται) друг другу как противоположные (ἐναντία)¹³ Прежде всего мы предположим, что — как фи-

¹³ Cf. Arist. *Cat.* 6a9–10. Аристотель приходит к выводу, что «великое» и «малое», даже будучи отнесенными к категории количества, тем не менее друг другу не противоположны (οὐδὲν ἐναντίον ἔξει).

лософское учение утвердило задолго до нас — что-либо [может] быть противоположно [только] одному, как и по другим причинам, так и потому что, полагаю, было сочтено несправедливейшим две [вещи] противопоставлять одной, ибо, как говорит поговорка, с двумя и Гераклу не справиться. Аристотель же незаметно запутывает слушателя: одну и ту же величину противопоставляя двум и о чем-то одном предположив «великое», а о чем-то другом — «малое», он из этого предположения вывел то, что ему представляется¹⁴; поскольку, если бы он противопоставил противопоставляемое (*παρέβαλλε τὸ παραβαλλόμενον*) не одному и другому, а одному и тому же, то рассуждение не привело бы к видимой (*δοκοῦσαν*) нелепости, и одно и то же не казалось бы одновременно и великим, и малым, но для обоих было бы по необходимости разное.

Если же кто-нибудь не захочет на это обратить внимание и, твердо придерживаясь [риторических] упражнений (*γυμνασία*) Аристотеля, скажет: «если великое и малое противоположны, то противоположности будут одновременно в одном и том же, и одно и то же будет себе противоположно»¹⁵, — так вот, если кто-нибудь так скажет, то необходимо будет указать ему на это же затруднение и в отношении «верхнего» и «нижнего», каковым [понятиям] присуще столько противоположности, что от них наименование противоположного было уделено и остальным из противоположных. Ибо если так случится, что я буду стоять посередине между двумя и одно будет у меня под ногами, а другое — над головой, то во мне одновременно будут противоположные [понятия] — «верхнее» и «нижнее» — и я сам буду себе противоположен. Если тут есть нелепость, то, стало быть, и там тоже. Иначе, по какому жребью этим [понятиям] такое выпало, а тем — нет? Причина же получившейся [здесь] нелепости — дабы мне раскрыть тайну этого паралогизма — состоит в следующем: для того, чтобы сделать схождение противоположных невозможным,

¹⁴ Cf. *Cat.* 5b35–40.

¹⁵ Cf. *Cat.* 5b33–35.

недостаточно, чтобы сошлись только эти два, то есть одно и то же время и одно и то же подлежащее, но помимо них должно быть третье — «относительно одного и того же» (τὸ πρὸς τὸ αὐτό); ибо, если это будет добавлено, тогда противоположные сойтись не смогут, а если нет, то в схождении нет ничего нелепого. Ибо если одно и то же в один и тот же промежуток времени относительно одного и того же именуется «великим» или «малым», оно не сможет быть одновременно великим и малым; если же относительно разных [вещей], [то сможет, и в этом не будет] ничего нелепого. Например, в сравнении с Менелаем, сыном Атрея, Гектора можно по справедливости назвать сильным, если внимательно прочесть у Гомера вот эти стихи:

Тут для тебя, Менелай, неминучий от рук Приаида
Жизни пришел бы конец, ибо много могучее был он¹⁶.

В сравнении же с сыном Пелея¹⁷ тот же [Гектор] в то же самое время — слаб. Так что же, из-за этого в Гекторе [сходятся] противоположные [понятия], и Гектор сам себе противоположен? Ни в коем случае: если его сравнивать только с Менелаем или только с Ахиллом, то этого никогда не случится. Точно так же кто-либо справедливый не справедлив относительно Аристида, прозванного «справедливым», но справедлив относительно, скажем, Фаларида или Эхета, но одно и другое не [сказывается] относительно одного и того же.

И еще: противоположные переходят одно в другое, если существует нечто, способное воспринимать [эти свойства], как, например, горячее — в холодное, порок — в добродетель. С теми же, которые [принадлежат категории] отношения, этого по необходимости [не происходит]; ибо чувство не переходит в чувствуемое, а знание — в познаваемое. Малое же переходит в великое, если есть нечто воспринимающее [эти свойства]. Стало быть, эти [понятия] противоположны и не [принадлежат категории] отношения.

¹⁶ Ил. 7.104–105.

¹⁷ То есть с Ахиллом.

И еще: если почти все мудрецы посчитали основами сущего противоположные [вещи], а Платон производит¹⁸ сущие от малого и великого, то [остается] либо не верить одному из двух — я имею в виду общее правило и утверждение Платона — либо без колебаний признать великое и малое противоположными. Однако, поистине никто не будет настолько безумен, чтобы спорить или с общим мнением, или с самим Платоном. Стало быть, остается второе.

И еще: когда сам Аристотель — многократно в своем трактате «О природных началах»¹⁹ и в первой книге «Метафизики» — спорит и с самим Платоном, и со многими другими [философами], которые, как ему кажется, заблуждаются в отношении истины, он соглашается с ними и говорит что-то близкое их [положениям] лишь в тех случаях, где они утверждают, что основы сущего — противоположные [вещи]; пусть даже один считает, что это любовь и вражда, другой — что это разряженное и плотное, а третий — что это великое и малое²⁰ Кое-где же он, превознося Платона над другими, отмечает, что [Платон] ставит на первое место противоположности, доступные рассудку (*κατὰ λόγους*), то есть «великое» и «малое» — [здесь Аристотель] прямо называет эти [понятия] противоположными (*αἱ ἐναντιώσεις*)²¹ — другие же [предпочитают противоположности], доступные чувству (*κατ' αἴσθησιν*): я говорю о разряженном и плотном.

¹⁸ Букв.: «рождает».

¹⁹ То есть в «Физике».

²⁰ Когда Аристотель в «Метафизике» (*Metaph.* 986a30–986b2) перечисляет, какие авторы что считали противоположностями, он действительно указывает среди перечня противоположностей у Платона великое и малое, обобщая, что это всё — разные примеры противоположностей (*αἱ ἐναντιώσεις*).

²¹ *Metaph.* 986b2. Закономерно возникает вопрос, в каком платоновском тексте Аристотель обнаружил эти положения о происхождении сущего из малого и великого. Поскольку нам пока не удалось идентифицировать конкретный платоновский фрагмент, релевантный этому пассажиру, то рискнем предположить, что Аристотель в «Метафизике» отсылает к так называемому неписаному учению Платона. Этой теме был посвящен выпуск 5 (2016/2) «Платоновских исследований».

И еще: пусть даже будет предположено, что если одно и то же именуется великим и малым по отношению к одному и другому, то в нем сошлись противоположности — даже и в этом случае оно не будет по необходимости противоположным самому себе. Так, о здравомыслии (σωφροσύνη), например, говорится, что оно противоположно распушенности (ἀκολασία) и глупости (ἄλιθιότητι), и кажется, что в одном и том же сошлись противоположности, но здравомыслие всё же не будет противоположным самому себе.

Заключение

Те, кто доверяет Аристотелю и Платону, из которых последний считает великое и малое началами сущего и не сомневается в том, что противоположные [вещи] — это начала всего сущего, а первый это мнение принимает и одобряет, как можно узнать из великих произведений этого мужа, которые мы упомянули; [так вот, те, кто им доверяет], должны считать, что великое и малое противоположны; те же, кто им не доверяет, могут думать и говорить об этих вещах как кому угодно.

Литература

- Гончарко, О.Ю. (2013), “Диалог и псевдиалог как форма изложения аристотелевской логики в Византии”, *Вестник Русской христианской гуманитарной академии* 14.3: 224–230.
- Гончарко, О.Ю.; Слинин, Я.А.; Черноглазов, Д.А. (2018), “Логические идеи Феодора Продрома: «О великом и малом»”, *Логические исследования* 24.2: 11–35.
- Каждан, А.П. (2000), “Смеялись ли византийцы? (*Ното Вузантинус луденс*)”, in И.В. Дубровский, С.В. Оболенская. М.Ю. Парамонова (ред.), *Другие средние века. К 75-летию А.Я. Гуревича, 185–197*. М.; СПб.: Университетская книга.
- Черноглазов, Д.А. (2008), “Пять писем Иоанна Цеца: автопортрет византийского интеллектуала”, *Византийский временник* 67: 152–164.
- Черноглазов, Д.А.; Гончарко, О.Ю. (2018), “«О великом и малом» Феодора Продрома: из истории византийской логической мысли XII века”, *Вестник Русской христианской гуманитарной академии* 19.2: 204–213.
- Browning, R. (1977), “Unpublished Correspondence between Michael Italicus, Archbishop of Philippopolis, and Theodore Prodromos”, *Studies on Byzantine History, Literature and Education* 59: 287–288.
- Gautier, P., ed. (1972), *Michel Italikos. Lettres et Discours*. Paris: Institut français d'études byzantines.
- Hörandner, W. (1974), *Theodoros Prodromos. Historische Gedichte*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.
- Hunger, H. (1978), *Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner*. Bd. 1. München: C.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung.
- Spyridonova, L.; Kurbanov, A.; Goncharko, O., eds. (2017), “The Dialogue *Xenedemos, or Voices*, by Theodore Prodromos. A Critical Edition, with English Translation”, *Scrinium* 13.1: 227–275.
- Tannery, P., ed. (1887), “Sur le grand et le petit”, *Annuaire de l'Association pour l'encouragement des études grecques en France* 21: 104–119.